

Aleksandr D. Iwiński
Uniwersytet Moskiewski

Культурная политика Екатерины II: к вопросу о литературной позиции журнала «Всякая всячина»

«Всякая всячина» не раз привлекала внимание исследователей. Часто и обстоятельно описывались идеологические контексты данного издания в связи с темой т.н. «конфликта» Екатерины II с Н.И. Новиковым – издателем «Трутня»¹, реже и лаконичнее – ориентация «Всякой всячины» на западноевропейскую журналистику XVIII века².

В данной работе мы намерены рассмотреть идейную структуру журнала в связи с проблемой формирования и закрепления в русской культуре нового для нее образа благородного человека, «*honête homme*»: именно эту задачу должна была решить «Всякая всячина», теснейшим образом связанная с другими проектами русской императрицы.

Так, к проблеме воспитания нового человека Екатерина II обратилась в «Наказе», где было подчеркнуто ее значение для развития страны: «Правила воспитания суть первые основания, приуготовляющие нас быть гражданами»³. Этот пассаж имеет полемический характер: он направлен против Ш. Монтескье, который связал проблему воспитания с типом государственного устройства:

Законы воспитания – это первые законы, которые встречает человек в своей жизни. И так как законы эти подготавливают нас к тому, чтобы стать гражда-

¹ Г.А. Гуковский, *Русская литература XVIII века*. Москва 1999, с. 220-230; Г. П. Макогоненко, *Николай Новиков и русское Просвещение XVIII века*. Москва-Ленинград 1951, с. 147-226; П. Н. Берков, *История русской журналистики XVIII века*. Москва-Ленинград 1952, с. 151-225; К. В. Пигарев, *Творчество Фонвизина*. Москва 1954, с. 25-26; Г. П. Макогоненко, *Радищев и его время*. Москва 1956, с. 83-89; Л. И. Кулакова, *Очерки истории русской эстетической мысли XVIII века*. Ленинград 1968, с. 101-124; ср.: А. Д. Ивинский, *Литературная политика Екатерины II: «Собеседник любителей российского слова»*. Москва 2012, с. 15-21.

² В.Ф. Солнцев, «Всякая всячина» и «Спектатор» [w:] Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 279. №1. Санкт-Петербург 1892; В.Д. Рак, *Иностранная литература в русских журналах XVIII века (Общий взгляд и библиографический обзор за 1728-1769 гг.)* [w:] В. Д. Рак Статьи о литературе XVIII века. Санкт-Петербург 2008.

³ *Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения*. Москва 1767, с. 99.

нами, то каждая семья должна управляться по образцу великой семьи, охватывающей все отдельные семьи. Если весь народ живет каким-нибудь принципом, то все его составные части, т.е. семейства, живут тем же принципом. Поэтому законы воспитания должны быть различными для каждого вида правления: в монархиях их предметом будет честь, в республиках – добродетель, в деспотиях – страх⁴.

При этом Монтескье был убежден в том, что большая империя может быть только деспотией: «(...) небольшие государства по своей природе должны быть республиками, государства средней величины – подчиняться монарху, а обширные империи – состоять под властью деспота»⁵. Следуя этой логике, в «деспотической» России воспитание могло основываться только на «страхе», «гражданам» тут нет места.

Монтескье вторила «Энциклопедия», где монархия была противопоставлена и республике, и деспотии. При «единоначалии» соблюдаются законы, в демократии царят «добродетели», а деспотия приводит государство к упадку:

Монархическое правление не имеет, подобно республиканскому, добронравия первоначальным основанием. Законы там занимают место добродетелей не независимо от любви к отечеству, желания истинной славы, отрицания самого себя, жертвования тем, что нам всего возлюбленнее и ото всех иройских добродетелей древних, о которых мы только слышали. Нравы никогда там не бывают толь непорочны, как во правлениях республиканских; и добродетели, оказываемые в оном, всегда суть меньше обязательства должного ко другим, нежели к самим себе. (...) *Единоначалие* совсем пало, когда оно превратилось в деспотическое правление, яко состояние вскорости повергающее народ в варварство, а из оного в совершенное небытие, в которое купно с народом обращается тяжкое иго со чрезвычайным стремлением к такому концу влекущее (...) ⁶.

Как известно, эта концепция была раскритикована И. Г. Г. Юсти⁷. С его точки зрения, классификация Монтескье искусственна и очевидным образом не соответствует действительности:

Г. Монтескю (...) говорит, что детей надлежит воспитывать в государствах самодержавных так, чтобы возымели они любовь к честям и преимуществам;

⁴ Ш. Монтескье, *Избранные произведения*. Москва 1955, с. 187.

⁵ Ш. Монтескье, *Избранные произведения*, с. 266.

⁶ *О государственном правлении и разных родах оного, из Энциклопедии*. Санкт-Петербург 1770, с. 58-59, 64.

⁷ О влиянии трудов Юсти на Екатерину см.: Н.Д. Чечулин, *Об источниках «Наказа»* [w:] Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 340. Санкт-Петербург 1902, с. 296-299.

в вольных же областях должно их руководствовать к добродетели или к любви отечества и законов; а в самовластно управляемых землях надлежит де возвращать их в невежество. Мнение сие основано на различных побуждениях, которые г. Монтескю старался в предыдущих книгах положить на мере для разных родов правления. Но как я в книге своей о существе народных обществ доказал пространно, что сей в прочем преизрядный писатель почерпнул умоначертания свои о разных образах правления совсем не из подлинных о существе государств начальных положений, то и правила его о воспитании, смотря по разным родам правления расположенные, не могут быть приняты. Я доказал в вышепомянутой книге, применяясь к существованию гражданских устройств, убедительными доводами, что все государства, не исключая ни единого, имеют надобность в любви к отечеству, как в общей своей причине и основании дел, и что также им всем без разбору должна служить добродетель общим напряжением или побуждением. И потому надлежит воспитателям при всяком роде правления почитать любовь к отечеству и к добродетелям, сиречь к наблюдению гражданских должностей, главнейшими предметами, потому что ни единое гражданское устройство, к какому бы оно роду правления ни относилось, не может быть действительно сильным и благополучным, когда в гражданах нет любви к отечеству и гражданским добродетелям. А хотя г. Монтескю приписывает гражданские добродетели одним только вольным областям, с самодержавных же государств вовсе их сговаривает: однако это походит больше на занесенную далеко насмешку, нежели на чистосердечное его положение. (...) Подведенные г. Монтескю причины, для которых будто надобно при самовластном правлении воспитывать детей в рабском страхе и невежестве, больше издевочны, нежели основательны⁸.

Под этими словами Екатерина могла бы поставить свою подпись. И в «Наказе», и во «Всякой всячине» императрица пыталась доказать, что Россия не деспотия, а просвещенная монархия, жизнь которой регулируется разумными законами и которой совершенно не чужды республиканские «добродетели»⁹.

В этом именно контексте становится понятным подлинное значение темы воспитания для Екатерины. Образование и просвещение оказываются едва ли не главными характеристиками России в глазах европейских интеллектуалов¹⁰. Поэтому неслучайно, что заслуги императрицы именно в этой сфере

⁸ И.Г.Г. Юстий, *Основание силы и благосостояния царств, или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния*. Ч. 3. Санкт-Петербург 1777, с. 194-199.

⁹ О «республиканизме» Екатерины см.: Д. Гриффитс, *Екатерина II и ее мир: Статьи разных лет*. Москва 2013, с. 63-101.

¹⁰ Ср.: «Она <просвещенческая парадигма. – А.И.> позволяла решить в свою пользу важнейшую для Екатерины проблему репрезентации России как недеспотического (в терминах Монтескье) государства: просвещенная монархия занималась главным – воспитанием общества – в полной готовности подчиняться законам» (В.М. Живов, «Всякая всячина» и созда-

настойчиво подчеркивались, например, в предисловии к «Наставлениям политическим» барона Бильфельда:

Неуспешное ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА о благосостоянии российского отечества попечение не только от сынов оного признается со вседолжнейшею благодарностию, но и во всем свете с удивлением прославляется. И хотя Матерние ВАШИ старания пространством своим равномерно объемлют все части, составляющие общее благополучие; однако ж особеннейшее оных действие оказывается в предприемлемых премудрою ВАШЕЮ прозорливостию мерах для просвещения народного. Свидетельствуют о том многие действительно уже состоявшиеся, и еще множайшие, как всем известно, к произведению в действо поспешающие, преизящные учреждения, для лучшего воспитания и обучения обоих полов юношества как наукам, так и художествам. Но что свойственнее при сем к славе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА принадлежит, то сии учреждения не только последнее совершение получают все от рассмотрения и подтверждения их высочайшею ВАШЕЮ Монаршею властью, но и самое первоначальное бытие свое ВАШЕМУ размышлению, предвидению и попечению должныствуют. К числу таковых для просвещения нашего полезных средств без сомнения причесть должно издание книг, на российском языке сочиненных или переведенных с чужестранных языков. Но и в сем роде не меньшего прочих благодеяния, оказываемого от Государей подданным их, не оставили ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО подать достопамятные знаки Матерних к нам щедрот Своих и великодушия¹¹.

Показательно, что именно из трактата Бильфельда Екатерина многое заимствовала для своего «Наказа»¹². Но Бильфельд повлиял на императрицу и в вопросе о значении воспитания.

Во-первых, Бильфельд, как и позже Екатерина в «Наказе», назвал воспитание главной политической задачей государя: «Первое политическое правило состоит в том, чтобы просветить свою нацию, то есть распространить разум и влить в сердца народа тихие нравы (...)»¹³. Во-вторых, он обосновал идею необходимости распространения (иногда насильственного) просвещения в народе, при этом в качестве примера приведен Петр I:

ние екатерининского политического дискурса [w:] Eighteenth-century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-century Russia. Berlin 2007, с. 252-253).

¹¹ *Наставления политические барона Билфелда*. Ч. 1. Москва 1768, без пагинации.

¹² Н.Д. Чечулин, *Об источниках «Наказа»*, Журнал Министерства народного просвещения, с. 292-296; И. Мадариага, *Россия в эпоху Екатерины Великой*. Москва 2002, с. 251-252.

¹³ *Наставления политические барона Билфелда*. Ч. 1, с. 44.

Не только требуется подать просвещение варварской нации, ежели Божие провидение назначит нас к правлению оной; но должно также Государям содержать в порядке и просвещенную уже нацию. В первом случае употребляемые способы могут быть жесточае и сильнее, и больше подкреплены принудительною силою, нежели в другом. В сем случае не возможно обойтись, чтоб не привести в пример Петра Первого. Сей премудрый Монарх имел ужасный труд, чтоб россиян сравнять с другими народами, и должен был принуждать их, чтоб брили бороды и учились механическим художествам. Сей способ был нужен у грубого еще народа: надобно истреблять силою невежество, но просвещенную нацию можно предостерегать от оног тишайшими способами¹⁴.

В-третьих, Бильфельд резко раскритиковал Ж.-Ж. Руссо, которого, как известно, Екатерина недолго любила. «Естественности» и «простоте», за которые так ратовал «женевский гражданин», барон противопоставил «людскость» и просвещение:

Есть такие странные умы, которые утверждают, что народ, живущий в простоте естественного своего состояния, мало требующей, без всякой людскости и просвещения, предпочтительнее такой просвещенной нации, какова французская или аглинская и проч. Сие то же, что предпочитать лихорадку здоровому состоянию. Но как сие странное мнение еще и защищают некоторыми доводами, кои с первого виду кажутся философскими, но в самом деле обманывают, то мы, пользуясь сим случаем, вкратце покажем главнейшие преимущества государства, когда народ просвещен в оном. Читатель может их сравнить с варварством и потом употребить просвещение здравого рассудка, дабы разобрать, что из оных лучше¹⁵.

Наконец, в-четвертых, Бильфельд сформулировал основной принцип воспитания благородного человека – *Urbanitas*:

¹⁴ *Наставления политические барона Билфелда*. Ч. 1, с. 45. С этой концепцией Екатерина была принципиально не согласна. Бильфельд, как и многие до него и после, противопоставил «новую» Россию «старой» как страну цивилизованную – варварской. Для Екатерины это неприемлемо: Россия вошла в «семью европейских государств» не при Петре, она всегда была частью Западного мира: «Россия есть европейская держава. Доказательство сему следующее: перемены, которые предпринял в России Петр Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время совсем не сходствовали со климатом, и принесены были к нам смешением разных народов и завоеваниями чуждых областей. Петр Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал» (*Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения*, с. 2-3). Как видим, уже к 1767 г. Екатерина сформулировала свое понимание русской истории, которое наиболее полное и яркое выражение найдет в «Записках касательно российской истории».

¹⁵ *Наставления политические барона Билфелда*. Ч. 1, с. 43.

Для совершения народного просвещения надобно стараться всевозможными способами, наблюдать во всем общую людскость, наказывать строго за всякие грубости и неистовства. Государь должен принудить народ, хотя и по неволе, предупреждать иностранных хорошим приемом, наблюдать странноприимство к путешественникам, быть ласковыми, честными и учтивыми против всех. Одним словом, надлежит приучить свою нацию к сей приятной добродетели обхождения, которая столь почтенна была у древних римлян и которую они называли столь выразительным и прекрасным словом: *Urbanitas*¹⁶.

«Добродетель обхождения», «людскость» и «учтивость» – вот главные характеристики подлинного «*honête homme*». Показательно, что в «Наказе» Екатерины находим подобный же список необходимых гражданину качеств:

Должно вселять в юношество страх Божий, утверждать сердце их в похвальных склонностях и приучать их к основательным и приличествующим состоянию их правилам; возбуждать в них охоту к трудолюбию, и чтоб они страшилися праздности как источника всякого зла и заблуждения; научать пристойному в делах и разговорах поведению, учтивости, благопристойности, соболезнованию о бедных, несчастливых и отвращению ото всяких продерзостей; обучать их домостроительству во всех одного подробностях, и сколько в оном есть полезного; отвращать их от мотовства; особливо же вкоренять в них собственную склонность к опрятности и чистоте, как на самих себе, так и на принадлежащих к ним; одним словом, всем тем добродетелям и качествам, кои принадлежат к доброму воспитанию, которыми во свое время могут они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшением¹⁷.

«Пристойное в делах и разговорах поведение», «учтивость», «благопристойность», отвращение к «продерзостям» – именно эти ценности и пропагандировала Екатерина в своем литературном творчестве и, в первую очередь, в журнале «*Всякая всячина*».

«*Всякая всячина*» не «боролась» с «просветителями», она претендовала на то, чтобы стать «учебником» «науки жить между людьми»¹⁸. При этом обращает на себя внимание тот факт, что здесь для Екатерины не существовало мелочей, регулировались едва ли не все аспекты жизни благородного челове-

¹⁶ *Наставления политические барона Билфелда*. Ч. 1, с. 64.

¹⁷ *Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения*, с. 105.

¹⁸ Другую точку зрения см.: Й. Клейн, «Немедленное искоренение всех пороков»: о моралистических журналах Екатерины II и Н.И. Новикова [w:] XVIII век. Сборник 24. Санкт-Петербург 2006, с. 153-165.

ка¹⁹. Особенно показательны заголовки некоторых статей: «Говорить меньше, а больше слушати других»²⁰, «Быть учредительну в поступках» (415), «Каким образом заслужить милость Государя и знатных особ» (417).

В редакцию обращались те, кто хотел научиться правильно вести себя в свете:

Может быть, оному причиною то, что я в ребячестве рос без руководства, а в молодости судьбою был определен, оставя свет, избрать жизнь уединенную; следовательно, не было мне нужды прилепляться к науке, как жить между людьми; но понеже все подвержено переменам, переменилось время, переменились и мои обстоятельства. Я сделался теперь жителем Петербургским: вы из того легко заключить можете, что я живу в большом свете, но признаюся, что многого не знаю, что должно знати для светской жизни: и для того хотя не обо всем, чего не знаю, однако о некоторых вещах спросити вас намерен. Не удивитесь, что я много сделаю вам задач: должно признаться, что часто у нас с большим жаром начинают дела, нежели приводят к окончанию. Я не знаю и не хочу теперь добираться, свойство ли природы человеческой таково или то свойство наших нравов, однако знаю то, что так водится обыкновенно: и для того нетерпелив я в моих вопросах, чтоб успети мне их сделать, покуда еще жар издавати Всякую Всячину не простыл или покуда не уменьшилася охота читать ее (210-211).

Особую роль в журнале играла своеобразная «переписка» с читателями (при этом совершенно неважно, были ли корреспонденты реальными людьми или всего лишь «масками» издателей). «Всякая всячина» давала универсальные рекомендации, которые могли и, по-видимому, должны были восприниматься как руководство к действию. Неслучайно, что к ее редактору обращались «господин наставник»:

Господин наставник! По причине полезных наставлений, которые в ваших листах часто читаю, пришло мне на ум назвать вас теперь сим именем. Я не думаю, что наставления в том только и состоят, когда какой писец бранит и по-

¹⁹ Екатерина здесь следует принципам *Polizeistaat*. Политическая теория XVIII в. находила совершенно естественным активное вмешательство государей в жизнь своих подданных. См., напр.: «Можно сказать с Пуффендорфом, что самодержавство есть право повелевать решительно во гражданском обществе <...> сиречь, управлять их деяниями со властью или силою принудительною <...> Самодержавство есть право, порученное одной или многим особам, ибо республика столько же самодержавна, сколько и единоначалие <...>» (*О государственном правлении и разных родах оного, из Энциклопедии*. Санкт-Петербург 1770, с. 75-76).

²⁰ Всякая всячина. Санкт-Петербург 1769, с. 414. Далее «Всякая всячина» цитируется по этому изданию, страницы указываются в скобках в тексте статьи.

носит все, что он ни найдет худого. Пускай кто хочет смеется чрезвычайно или улыбается таинственно; когда удастся ему подозревать, что такой-то кусок (так я перевел в сем случае французское слово *pièce*) на кого-нибудь из знаемых ему целит. Ваши наставления совсем другим вкусом писаны, не едко, но приклонительно, не с бранью, но с ласканием и ободрением (268).

Один из главных «пороков», подлежащих осмеянию, – невежливость. Из «листка» в «листок» во «Всякой всячине» публикуются тексты, высмеивающие тех, кто не умеет или не желает вести себя в обществе правильно. Вот, например, портрет мелкого чиновника, который пытается завоевать себе право появляться в хорошем обществе:

(...) я живу в таком обществе, где носят кафтаны с золотым галуном, и я на силу могу его сделать, за тем, что не богат; а за оное меня презирают: еще, что я не так много говорю, как прочие, называют дураком <...> что мне делать: зачинать ли мотать? и ворчать ли, что на ум ни взбредет? У нас есть один скорописец, или секретарь, который в том свое удовольствие находит, чтоб людей оклеветать и просмеять; да нынеча в том мода: а етаких у нас много, как собак, и до Москвы не перевешаешь» (81-82).

Такие персонажи вызывают недоумение: светская манера поведения не подразумевает ни мотовства, ни бессмысленной болтовни, все это — «татарские обычаи»²¹. Уважение в обществе нужно заслужить. Достигается оно во многом благодаря правильной манере общения, поэтому первое, что советует «Всякая всячина» незадачливому чиновнику, — изучить ее:

В старину говаривали: *по кафтану встречают, а по уму провожают*. (...) Господин Самануков, входя в убыток для деланья кафтана с позументом, кажется, справедливо требовать может везде приема по наряду. Если же после приема по кафтану, он все молчит по привычке, то пенять не может о заключении, кое об нем делают. (...) молчание, так как и бесперывное болтание одного в каком ни на есть собрании, нанесет скуку всем тамо находящимся. Итак, советуем ему, чтоб он прервал бессловие» (82-83).

Этого, однако, явно недостаточно. Необходимо постоянно помнить, что светский разговор — это не только и не столько обмен остроумными репли-

²¹ Противопоставление «российских» и «татарских» нравов является ключевым во «Всякой всячине»: «Смело можно разделить наши обычаи на два рода: первые природные, другие Татарские. Все хорошие обычаи суть природные Российские; все же дурные суть Татарские» (35-36). «Российские нравы» — это нравы европейские, утонченные, светские. Именно те, которые и должны быть приняты при дворе истинно просвещенного монарха, такого как Екатерина.

ками, сколько утонченная занимательная беседа, в которой едва ли не первую роль отводят женщине. Любая грубость в таком общении просто невозможна: «<...> мы должны дать приметить господину Неведомому, что косыми буквами напечатанные слова в его письме кажутся несколько суровы для нежного слуха, а наипаче женского пола, коим сделаться может обморок от подобного описания» (84-85).

Или вот портрет «желчного» человека, презирующего весь мир, который находит пороки во всех сферах человеческого общества. Он слишком требователен, его речь напоминает проповедь. Но главное, такая постановка вопроса исключает гуманность и терпимость к человеческим слабостям:

Выслушайте, чему я (...) смеялся так, что и теперь еще бока болят. Был я в беседе, где нашел человека, который для того, что он более думал о своих качествах, нежели прочие люди, возмечтал, что свет не так стоит; люди все не так делают; его не чтут, как ему хочется; он бы все делать мог, но его не так определяют, как бы он желал: сего он хотя и не выговаривает, но из его речи легко то понять можно. Везде он видел тут пороки, где другие, не имел таких, как он, побудительных причин, на силу приглядеть могли слабости, и слабости весьма обыкновенные человечеству (141-142).

Он не понимает, что в свете обличение и морализаторство неуместны, а потому оказывается осмеян: «Один тут случившийся молодец удалый, долго слушая, терпеливо и молча, поношения смертных, наконец, потерял терпение и сказал ему:

Государь мой, вы весьма ненавидите ближнего своего; тиран Калигула во своем сумасбродстве говаривал, что ему жаль, что весь род человеческий не имеет одной головы, дабы ее отрубить разом: не того ли и вы мнения? — Наш рассказ сим вопросом был приведен во превеликий стыд и, чувствуя, что он страстями своими был проведен к показанию толикой ненависти к людям, что подал причину вспомнить Калигулу, вскочил со стула, покраснел, потом пальцы грыз, бегая по комнате, напоследок выбежал и уехал, знатно от угрызения совести. А мы во весь вечер смеялись людской слабости (142)²².

²² Точно также императрица оценивала публикации «Трутня». Новиковские «проповеди» просто «неуместны» в обществе, «журнальные войны» неприличны: «Будучи охотник до издаваемых в нынешнем годе разных сочинений и покупая их с самого начала, с великим удовольствием читал оные, и могу сказать по справедливости, что находил в них разум, вкус и полезность; но ныне увидел в них сверх чаяния моего совсем неприличную таким сочинениям междуусобную ссору, которая в нас от приятного чтения оных великое произвела отвращение <...>» (97). Мало того, издатель «Трутня» осуждается за радикализм, за то, что он не знает, что такое «милосердие» и «снисхождение»: «На ругательства, напечатанные в Трутне под пятым отделением,

А вот, например, «нравственная дилемма» Олимпиады Сердцукрадовой – соблюдать по просьбе матери старые нелепые обычаи или показаться невежливой:

Как мне быть? Я не знаю. У матушки есть знакомая, от которой она видела много одолжений; у сей знакомицы умерла дочь. Матушка вчера велела мне к ней ехать на похороны, а похороны будут в субботу отправляться. И при том накрепко мне приказала плакать, кричать, биться и прочая, как водится или водилось исстари. Я же притворяться не могу: покойница мне почти незнакома была, и я ни мало не печальна. Кричати при людях кажется мне невежливость; биться так же боюсь, от того будут синие пятна (...) Я думаю пригложее всего мне упасть в обморок. Я видывала, как Татьяна Михайловна на феатре обмирает степенно: и, упав так с начала, пролежу до конца и тем всех хлопот разом избавлюся. Я ведаю, что и сие будет притворство, но как мне послушаться родительского повеления? (115-116)

«Невежливыми» могут быть названы даже те, кто громко разговаривают: «Мы далее отошли и увидели кучу молодых людей, кои весьма громко разговаривали с великим смехом. Брат мой об них заключил, что они невежливы, не знают, где должно хранить благочиние» (257-258). Всякая всячина» высмеивает «приметы старины» – дикие развлечения недавнего прошлого открыто осуждаются:

«(...) у меня есть родня, у которого полон дом дураков. (...) кой час дураки войдут, то уцепятся друг другу в волосы, и кто которому более выдернет клочков волос, тому поднесут чарку водки. (...) Хозяин обыкновенно хохочет тому так, что в третьей комнате слышно. (...) Пожалуйте, уймите сие обыкновение, пора покинуть дураков. Я думаю, что с ними то же будет, что было во Франции с колдунами: чем меньше их уважати станут, тем менее оных будет» (225-226).

Но и излишняя вольность во взаимоотношениях нового поколения не приветствовалась:

мы ответствовать не хотим, уничтожая оные; а только наскоро дадим приметить, что господин Правдулюбов нас называет криводушниками и потаччиками пороков для того, что мы сказали, что имеем человеколюбие и снисхождение ко человеческим слабостям и что есть разница между пороками и слабостями. Господин Правдулюбов не догадался, что, исключая снисхождение, он истребляет милосердие. Но добросердечие его не понимает, чтобы где нинаест быть могло снисхождение; а может статься, что и ум его не достизает до подобного нравоучения. Думать надобно, что ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь» (174-175). Таким образом, Екатерина предстает здесь «либералом» истинным, а Новиков – ложным. При этом важно, что осуждение не означает запрета на деятельность: «Нам его меланхолия не досадна <...>» (175). Напротив, это «ему несосно и то, что мы лучше любим смеяться, нежели плакать» (175).

Мне четырнадцать лет минуло 10 января. Разумеется, что пора думать, как бы мне выйти замуж. Только я бы желала, чтоб вы мне сказали, как вы думаете о господине Нежнихине, который на меня глазеет с некоторого времени. <...> Прошу у вас совета на нижеследующие вопросы. <...> Когда господин Нежнихин на меня глядеть будет полчаса, не спуская глаз, и назовет ангелом, не знали ли то, что он меня любит?

Ответ: нет.

Не великодушное ли то дело, что он мне оставить хочет половину моего приданного? И при том обещал купить новую карету и хороших лошадей.

Нет.

Не правда ли, что я лучше могу судить о его достоинствах для того, что я целый год вижу его в комедии, нежели батюшка и матушка, кои видали его несколько раз за столом, где он молчал?

Нет.

Не в летах ли я выйти замуж?

Нет.

Не сделала ли я неучтивости, что не взяла у него кольца с волосами?

Нет.

Не было ли бы то от меня бесчеловечно, если бы я не сжалилась над человеком, который все вздыхает?

Нет.

Не лучше ли мне с ним уйти?

Нет.

Как вы думаете, если я его покину, то он утопиться может?

Нет.

Не сказать ли ему первый раз, как его увижу, что я готова за него выйти?

Нет»(190-192).

На страницах журнала осуждаются «многие молодые девушки», которые «чулков не вытягивают, а когда сядут, тогда ногу на ногу кладут, через что подымают юбку так высоко, что я сие приметить мог, а иногда и более сего» (156).

При этом «Всякая всячина» поучала не только детей, но и родителей. Так, она подробно объясняла, какое содержание нужно выделять сыновьям:

Должно думать, что человек вовсе лишен рассуждения, когда он родному сыну по его состоянию нужного к содержанию не дает. Примечено, что многие молодые люди, кои впали в какие ни насть в поведении излишества, возвратились на путь истины по одним правилам честности; но весьма много от того одного пропало, что их содержали в молодости слишком коротко, вошли в долги и в мотовство, а оттудова до неистовства и до бездельства шагов уже не

великое число осталось. Отец, который сыну определяет содержание размеренное с его состоянием, снимает одну ногу сыновнюю с пропасти. Сего довольно будет для чувствительных отцов: и, конечно, все те, кои не желают слыть окаменелыми сердцами, после сего увещания сыновей своих будут содержать, как долг велит (231-232).

Другая традиционная проблема, к которой редакция возвращалась неоднократно, – кокетство. Поведение щеголихи, которая думает только о нарядах, высмеивается:

Он имеет желание развестись с женой для того, что он обманут, ибо он обвенчан не с тою, на которой он думал жениться. (...) есть и такие проворные, кои умеют искусством казаться совсем иначе, нежели как они сотворены. Они распишут губы розовою краскою, щеки – брусничною, лоб, нос, бороду, шею и грудь – белилами; брови растянут колесом и намажут их обще с волосами грузинскою краскою; жилы наведут карандашом, и издали, одним словом, покажутся красавицами. Никогда человек более влюблен не был, как я влюбился в свою невесту. Но лишь я женился, нашел я на другой день в своей спальне по утрам вместо прекрасной молодки женщину, коя бы могла быть матерью той, в которую я влюбился. Она села убираться и более получаса работала над правою стороною лица прежде, нежели я мог распознать ее. Я обошел на другую сторону и увидел, что с недоделанной стороны кожа растрескалася, знатно от употребления разных красок, и что та щека с природы желта с прозеленью, а волосы ее суть рыжи. (...) Одним словом, я не на маске жениться думал, следовательно, мышлю имети право просить о обмане и разводе (237-239).

Открыто осуждаются и новые принципы «воспитания». Искусственности и кокетству противопоставляются естественность и простота:

Приехала одна барыня во знакомый мне дом и просила совета, говоря, что к ней привезли одну ее родственницу, взросшую в деревне, красавицу, но так при том дурно воспитанную, как только представить себе можно, и совершенно в таком состоянии, как от естества сотворена. Не знаю, прибавила она, что мне с нею делать? и как ее привести к тому, чтоб она вступала в разговоры с людьми, а когда молчит, чтобы то было, где сие пристойно? Но она думает иметь язык лишь для того, чтобы все то всегда выговаривати, что она мыслит. Глазами глядит, не зная их употребления. Два месяца, как мадам ее учит вздыхать, хотя тому причины нет, и смеяться, когда она не весела, но стыдно признаться, что ничто к ней не льнет. Она и ныне не более умеет ходить, как когда она была году. Когда я говорю ходить, я разумею легкую походку, коя притягивает всех глаза; ее же походка только годится для перемены мест. Она ото всего краснеется, не

зная и сим пользоваться у места. (...) Погрешность общая в воспитании девиц есть та, что более о наружности их старания прилагают, нежели о украшении их сердца и ума. Почти со дня, как они расстаются с кормилицею, и прежде нежели они могут иметь понятие о чем-нибудь, зачинают их наряжать всячески, потом учат танцевать; здесь заставляют голову выпрямить и носить предписанным образом, поворачиваться по циркулю, с угрозою, не иметь мужа, если не будут ходить, глядеть и двигаться прямо. Все сие ум молодых девиц обращает на изыскание сего обещанного сокровища; и для того их воображение, будучи в обращение приведено, всю свою силу на сторону наружных убранных приклинит потому, что сии одни будут решить их хорошую или дурную судьбину. (...) Единственный предмет родителей был делать из них тварь приятного вида. <...> должно особенное имети прилежание о качествах души и ума (324-327).

Именно на страницах «Всякой всячины» обсуждалась та проблематика, которая позднее будет положена в основу фонвизинского «Недоросля»:

Первые мои лета упражнялся я, проигрывая с крестьянскими ребятами целые дни на гумне; часто случалось, что бивал их до крови, и когда приходили они к учителю моему (который был старый дьячок нашего прихода) жаловаться, то он их отгонял плетью и бранил, что они осмеливались просить на своего боярина. (...) Когда отец мой отважился меня бранить, то я, расплакавшись, бежал к бабушке и матушке, на него жаловаться; и они говорили мне, глядя по голове и утирая слезы: плюнь на него, друг мой; не слушай его: этакий отец! Не стоишь ты иметь такого сына (241-242).

Как и Митрофан Простаков, главный герой этого произведения невежественен, он с трудом научился читать и писать:

Таким образом достиг я тринадцатого года, и хотя учитель мой, дьячок, был у меня четыре года, однако с нуждою мог я разбирать букварь и мараить дурные буквы. Со всем тем бабушка моя дивилась разуму моему и не могла довольно приписать похвал моему понятию (242).

Итог такой жизни крайне неутешителен. Отсутствие воспитания привело к тяжелым и непоправимым последствиям. Новое время требует не только новых принципов образования, но и другого отношения к самой проблеме:

Прошу, государь мой, сию повесть несчастной моей жизни включить в ваши недельные сочинения и когда можно в первую пятницу. Она может служить примером тем родителям, которые в небрежении воспитывают детей своих и чрезмерною неговою портят их нравы, вперяют дурные склонности и в непре-

менную ввергают погибель. Поздно уже раскаянье в то время, а следствия сии неизбежны (246).

При этом редакция журнала отдавала себе отчет, что добиться желаемого результата – создания нового образа русского «честного человека» – невозможно только поучением. Аудиторию издания – придворный круг и просвещенных граждан – нужно еще и развлекать:

Два есть у меня рода читателей. Первые суть люди веселые, кои требуют испытаний острых и смешных. Другие суть степенные, и не довольствуются одними шутками, но, напротив, уничтожают оные. Если б я всегда имел степенный вид в моем сочинении, половина читателей меня бы покинули; и если б я кроме резвостей ничего не писал, я бы потерял другую. И для того я должен держаться середки, из чего обеим шайкам может произойти более пользы, нежели когда бы я писал одной только в угодность. Ибо, не зная, из чего будет составлен мой лист, статья может, что тот, который возьмет оный для своей забавы в руки, найдется опутан против воли своей нравоучением ему полезным; и что, с другой стороны, тот, у кого склонности нет к забавам, думая найти правила для жизни, неприметно принужден будет инде улыбаться. Одним словом, всякий из моих читателей садится за мой стол, не зная, какая ему пища приготовлена, и, по крайней мере, он имеет удовольствие надеяться, что найдет что-нибудь по своему вкусу. Я бы совершенно лучше желал приложить старания дать наставление, нежели забавлять. Но если мы хотим быть свету полезны, то мы должны с ними поступати, сколько сможем по мере, как он есть, а не потому, как желательно, чтоб он был (327).

«Всякая всячина» строится как имитация непринужденной беседы с читателем, «наставник» и «ученик» равны, поэтому поучение возможно только в «легкой» и приятной форме:

Исправляти нравы и вкореняти в сердца добродетель столь легким и приятным образом, как вы делаете, я почитаю за велико. Беспрестанные выговоры и брани со временем бывают привыкшему к ним неощутительны. Страшные угрозы и побои, не упоминая, что иногда портят здоровье, не имеют столько силы, чтоб вести к добру, по подают только повод скрывать зло: да они же теперь почти везде уже и выведены из обыкновения, кроме что в семинариях да в госпиталях, и то не знаю, надолго ли остались. Степенных же поучений не много видно, не много и слышно; не худо бы, кажется, было, если бы и сих поумножилось побольше. Однако же многим творцам нашим, не знаю, чего-то еще слишком недостает. Правда, пример вы им к подражанию подаете, но сего, думаю, для них не довольно (289).

Таким образом, Екатерина в 1760-е гг. создавала новый образ русского «честного человека». Это дворянин, хорошо воспитанный и образованный, легкий и приятный в общении, далекий от любой грубости или невежливости. «Всякая всячина» же в этом контексте предстает как «учебник» светского поведения, в котором подробно, а иногда и дотошно, прописываются все «мелочи». По-видимому, императрица мыслила свой журнал как реализацию на практике тех концепций, которые были сформулированы наиболее влиятельными европейскими интеллектуалами своего времени. Но при этом она решала патриотическую задачу: она доказывала, что, вопреки мнению Монтескье, такая «обширная империя», как Россия, может и должна усвоить и европейские нравы, и даже некоторые «республиканские добродетели».

SUMMARY

Catherine the Great's Cultural Politics: Literary Position of the "Vsiakaia Vsiachina"

This article is devoted to the problem of "Vsiakaia Vsiachina" literary position. Traditionally Catherine The Great's magazine was depicted in the context of discussions concerned satire's purpose. But "Vsiakaia Vsiachina" didn't struggle against "enlighteners", the main problem was creation of the new Russian "honnete homme". The new conception of education was formulated on it's pages. "Vsiakaia Vsiachina" explained to the Russian elite the new basic principles of behavior in high society.